

© 1995 г., ЭО, № 4

С. В. Соколовский

ВОЙНА, КОНФЛИКТ, НАСИЛИЕ

(полемологические заметки)

За убийство отдельных граждан и зверские расправы над ними мы наказываем. Почему же мы почитаем войны и возвеличиваем преступное уничтожение целых народов?

Сенека Младший

Понимание войны массовым сознанием (профессиональное сознание, увы, отнюдь не отгорожено от него сколько-нибудь надежно) противоречиво. С одной стороны, война — преступление против человечества, бойня, на которую власть имущим с помощью манипулятивных идеологий национализма и патриотизма удастся отправить население, а с другой стороны, война сакрализована, это момент наивысшего напряжения нации, осуществление ее (всегда высокой!) исторической миссии, время героизма, запечатлеваемое в национальном самосознании и исторической памяти народа и формирующее это самосознание. В структуре этого стереотипизированного восприятия войны, как в зеркале, отражается рожденное Новым временем противостояние личности и государства, индивидуальной свободы распоряжения своей жизнью и аппетитами Левиафана, требующего человеческих жертв для осуществления собственной свободы и суверенности.

Возникновение этой структуры понимания войны правильнее было бы рассматривать в контексте становления современных государств и наций, иными словами, в контексте европейской истории Нового времени, однако исходные представления, вошедшие в рассматриваемый стереотип, возникли намного раньше. Это становится особенно очевидным при прослеживании истории понятия «война».

Определение понятия «война»

Для понимания феномена войны существенно, что война является лишь одним из многочисленных видов вооруженных конфликтов и насилия. Иногда бывает трудно отграничить войну от иных видов вооруженных конфликтов (межэтнических столкновений, военных экспедиций и набегов, приграничных инцидентов, межобщинных стычек, мафиозных «разборок», погромов, массовых беспорядков, терроризма, восстаний и других форм вооруженной борьбы), поэтому специалисты, изучающие различные аспекты войны, уделяют особое внимание определению этого понятия.

Вполне понятно, что последователи различных дисциплинарных традиций (феномен войны изучается не только военными специалистами, но и социологами, антропологами, политологами, историками, философами, а также географами, демографами и экономистами; война входит в число центральных понятий теории международных отношений, международного права, геополитики и, разумеется, исследований войны и мира) предлагают разные подходы к определению войны. Однако среди исследователей войны растет понимание, что для разработки

реалистичных моделей, позволяющих объяснить причины, динамику и способы обуздания войн, необходим интегративный, синтетический междисциплинарный подход, преодолевающий односторонность дисциплинарного знания.

В силу этого в полемологии (науке о войне)¹, ставящей задачу научного исследования войны как социального явления, делается попытка преодоления редукционизма, свойственного дисциплинарному знанию, на основе феноменологического описания проявлений коллективного политического насилия в мире и его анализа. С этой целью полемологи создают компьютеризованные базы данных, существенно облегчающие обработку сведений о проявлениях политического насилия в мире и последующее выявление так называемых «полемологических барометров» — предвестников и симптомов назревающего военного конфликта.

В журнальной статье трудно охватить весь спектр полемологической проблематики, поэтому здесь будут предложены обсуждение и комментарии к различным используемым в полемологии определениям войны, а также предпринята попытка сопоставления этого понятия с другими единицами концептуального поля, тематизирующего насилие и конфликт. Избранный жанр заметок дает возможность автору сохранить ту меру свободы, которой лишены многие иные жанры научного письма, чей более строгий схематизм зачастую используется лишь в качестве компенсации «нестрогости» знания социальных наук.

Поскольку данные заметки пишутся для этнологического журнала, то уместно начать обзор определений войны с определения, данного одним из признанных в этой науке авторитетов — Б. Малиновским. В своей работе «Антропологический анализ войны», опубликованной в 1941 г. на страницах «American Journal of Sociology», он определяет войну (warfare) как «вооруженное соперничество (armed contest) между двумя независимыми политическими единицами с использованием организованной военной (military) силы в осуществлении племенной или национальной политики»².

М. Мид, посвятившая проблемам войны и мира несколько специальных работ, приводит следующее определение войны: «признанный конфликт между двумя группами как группами, в котором каждая группа выставляет армию (даже если эта армия состоит только из пятнадцати пигмеев) в поле для сражения и убийства, если возможно, некоторых членов армии другой группы...»³.

Позднее М. Мид дополняет это определение рядом важных разъяснений и замечаний. В частности, она пишет, что о войне можно говорить лишь тогда, когда «конфликт организован и социально санкционирован» и уничтожение соперников (killing) не рассматривается как убийство (murder). Таким образом, в качестве критериев, позволяющих отличить войну от иных форм вооруженного насилия, М. Мид выделяет «организацию с целью сражения, включающую намерение уничтожения противника и готовность умереть», «социальное санкционирование этого поведения», что отличает его от убийства членов собственной группы, и, наконец, «согласие (agreement) между вовлеченными группами о законности (legitimacy) борьбы с намерением уничтожения соперника»⁴.

Приведенные определения относятся к так называемой «примитивной войне». Понятие «примитивная война» относительно (ниже, при рассмотрении современных концепций военного конфликта, я остановлюсь на этом подробнее). Его введение было продиктовано логикой эволюционистских схем, в которых типология войны оказывается увязанной с социально-политической эволюцией. Как и всякие эволюционистские схемы, эволюционистская трактовка войны оказывается нормативной и ценностно нагруженной (приходится вслед за типологией обществ переносить характеристики «прогресса» и «высокой культуры» на присущие этим обществам акты насилия и разрушения). Кроме того (и это тоже весьма характерный изъян эволюционистских построений), в такого рода схемах осуществляется своего рода «семантический империализм», при котором культурно-специфическое содержание рассматриваемого понятия подается как универсальное, а все подверстываемые под него феномены иных культур расцениваются как отклонения, более примитивные формы, пережитки и т. д.

Во избежание недоразумений отмечу, что, ведя в рамках этого небольшого отступления полемикальный диалог с представителями «племени эволюционистов», я не пытаюсь поставить под сомнение самоценность и необходимость сохранения их языка, а лишь указываю на его пределы (неуниверсальность) и предлагаю взглянуть на имеющуюся типологию войн не как на ранжированную во времени эволюционную схему «от низшего к высшему», но как на картину имеющегося разнообразия, смысл и взаимные связи между элементами которого еще предстоит разгадать.

В соответствии с духом этого предложения «примитивные» войны, выделяемые неозволюционистами в отдельный класс, следовало бы именовать «племенными» или «традиционными» (точнее, войнами в существующих сегодня обществах с племенной структурой), что позволяет рассмотреть имеющееся разнообразие вооруженных конфликтов в неиндустриальных обществах без привлечения разработанных на иных материалах (и, следовательно, выступающих в данном случае как априорные) схем. Разумеется, сказанное выше имеет отношение к используемым схемам социально-политического (а не технологического) развития. Эволюционистские схемы военно-технического развития, видимо, в силу хорошо документированного развития военных технологий остаются гораздо более обоснованными и уместными.

В качестве одного из специфических признаков войны в традиционных обществах некоторые исследователи называют акт возмездия (*revenge*). Однако Дж. Шнейдер, например, пытался показать, что в отличие от межплеменных столкновений по мотивам мести, где действия ведутся на индивидуальном уровне, война — это «такое вооруженное насилие, в котором участвуют солидарные автономные группы (общины или общества) как целостные единства»⁵. Заслуживает внимания выделение этим автором двух механизмов наказания за преступления в традиционных обществах: для преступлений, совершенных «своими», — обусловленные нормами данного общества наказания; для «чужаков», находящихся вне системы социального контроля, — акт мести.

По очевидным причинам такое разведение понятий «война» и «возмездие» было подвергнуто критике не только в силу того обстоятельства, что в акты возмездия могли вовлекаться «общины как целостные единства» (что зависит, как подтверждают современные исследования процессов политической мобилизации, от статуса «обиженных», объема находящихся в их распоряжении ресурсов и т. п.), но и потому, что границы и состав «общин» могут переопределяться, а иногда и возникать как раз благодаря конфликту. Помимо того, и войны реально ведутся отнюдь не обязательно «целостными единствами». (Стоит заметить, что здесь возникает методологически сложная проблема распознавания «влияний» войны на не вовлеченные в боевые действия части конфликтующих «обществ»; переносимая сюда, иногда неосознанно, модель «тотальной войны», присущей обществам, входящим в цивилизации индустриального типа, может оказаться непригодной.)

В своих попытках отличить настоящие войны от «вооруженных межплеменных/межобщинных стычек» (*feuding*) некоторые антропологи вводят дополнительный критерий территориальности. Так, Р. Нэрролл определяет войну как «публичную летальную групповую борьбу (*combat*) между территориальными командами», исключая, таким образом, из объема этого понятия стычки между определяемыми не территориально, а по признаку родства группами, т. е. явления типа кровной мести и т. п. Под «территориальной командой» этот автор подразумевает «группу людей, чье членство определяется в терминах занятия определенной территории и которая имеет официальное лицо со специальной функцией объявления групповых решений, осуществляемой, по меньшей мере, раз в году»⁶.

К. Оттербейн, автор известного обзора по антропологии войны, приводит весьма сходное определение, заменяя «территориальную команду» на «политическое сообщество». Он пишет: «Война — это вооруженная борьба (*armed combat*) между политическими сообществами»⁷. Это определение носит общий характер, что в различных исследовательских перспективах может рассматриваться и как

достоинство (например, при попытках кроссдисциплинарного синтеза и сравнения), и как недостаток (при попытках различения войн от других массовых вооруженных политических конфликтов, в особенности современных — забастовочного насилия, межэтнических столкновений, межобщинных стычек и погромов, приграничных инцидентов и т. п.). В антропологии войны, в частности при решении задачи разведения понятий «война» (warfare) и «вооруженные стычки/межплеменные распри» (feuding) такое определение оказывается достаточным. При этом «распри» определяются как «тип вооруженной борьбы внутри политического сообщества, при котором если имеет место убийство (homicide), то родственники убитого мстят посредством уничтожения (killing) обидчика или любого члена его родственной группы»⁸.

Война в системе понятий массового насилия

Поскольку война рассматривается как один из видов массового политического насилия, представляется уместной попытка выделения в поле теоретических описаний конфликтных взаимодействий ту область, которая отражает данное семантическое поле. Таким образом, возникает необходимость анализа оснований, по которым осуществляется разведение понятий в этом поле и используемых здесь исследовательских практик.

Исследователи проблематики войны и мира, конфликта и насилия по-разному представляют и конструируют родовидовые отношения внутри этой группы понятий. В частности, в паре «война — конфликт» в качестве родового могут выступать оба понятия, т. е. война описывается как серия конфликтов либо понимается как особый вид конфликта.

К числу немногих общепринятых положений, и то лишь в той узкой сфере, где социологические и антропологические теории конфликтных взаимодействий используют данные психологии, относится утверждение о существенном различии механизмов групповых и индивидуальных конфликтов, или конфликтов массовых и межличностных.

Очевидно, что в мозаике мнений, вырабатываемых в рамках разных дисциплин и субдисциплин, понятие «война» неоднозначно соотносится с внутридисциплинарными трактовками конфликта, а также групповых и межличностных конфликтов.

Наиболее распространенной точкой зрения на войну является ее трактовка как вооруженного конфликта. Дальнейшее разграничение этого понятия от других типов вооруженных конфликтов (погромов, массовых беспорядков, столкновений и т. д.) связано с введением в определение таких признаков, как: 1) использование оружия противостоящими сторонами; 2) вовлеченность хотя бы с одной стороны правительства какого-либо государства; 3) наличие противоречий (взаимно оспариваемых претензий или несовместимых интересов) между вовлеченными сторонами.

Приведем в качестве примера одно из используемых при введении баз данных определений вооруженного конфликта и войны: «вооруженными конфликтами являются оспариваемые несовместимости (contested incompatibilities), касающиеся правительства и/или территории, где использование вооруженной силы обеими сторонами, из которых по крайней мере одна является правительством государства, приводит по меньшей мере к 25 связанным с боевыми потерями смертям»⁹.

При этом отдельные элементы определения операционализуются следующим образом.

1. Использование вооруженной силы (armed force): использование оружия (weapons) с целью улучшения общего положения сторон в конфликте, приводящее к смертям.

1.1. Оружие: любые смертельные средства (lethal means), кроме физической силы или психологической власти, т. е. изготавливаемое оружие, но также палки, камни, огонь, вода и т. д.

2. 25 смертей: минимум в 25 связанных с боевыми потерями смертей в год на отдельную «несовместимость» (кавычки введены при переводе: см. ниже определение «несовместимости». — С. С.).

3. Актор: правительство государства, или организация, или альянс организаций.

3.1. Правительство: центральное правительство государства или местное правительство в этом государстве. Местное правительство, которое провозгласило себя суверенным или независимым от центрального правительства и чье состояние не соответствует критериям «государства», указанным ниже, не относится к государственным акторам.

3.2. Организация: любая группа людей, провозгласившая наименование собственной группы и использующая вооруженную силу.

4. Государство: государством является

4.1. международно признанное суверенное правительство, контролирующее определенную территорию, или

4.2. международно непризнанное правительство, контролирующее определенную территорию, чей суверенитет не оспаривается другим международно признанным суверенным правительством, контролировавшим прежде эту же территорию.

5. Несовместимость, касающаяся правительства и/или территории.

Несовместимость (позиций), как она утверждается сторонами, должна касаться правительства и/или территории.

5.1. Несовместимость: утверждаемые обычно несовместимые позиции.

5.2. Несовместимость, касающаяся правительства: несовместимость, касающаяся типа политической системы, замены центрального правительства или изменения его состава.

5.3. Несовместимость, касающаяся территории: несовместимость, касающаяся статуса территории, т. е. изменения состояния контроля определенной территории (межгосударственный конфликт), сецессия, или автономия (внутригосударственный конфликт)¹⁰.

Авторы определения вводят дополнительные количественные ограничения, разделяя все вооруженные конфликты на малые и средние и выделяя войны в отдельный класс. Под малыми конфликтами они понимают конфликты, имеющие результатом менее 1000 связанных с боевыми потерями смертей за все время конфликта; под средними — конфликты с более 1000 смертей за все время или не менее 25 и не более 1000 за год; под войнами — более 1000 смертей за год. Средние конфликты и войны объединяются ими в категорию «основных вооруженных конфликтов» (более 1000 смертей на протяжении всего конфликта)¹¹.

Анализ литературы, в которой рассматриваются феномены массового политического насилия, позволил выделить несколько оснований для различения их типов. К числу важнейших можно отнести следующие.

1. Характер или тип субъектов и объектов насилия (социологическое противопоставление «категории» и «группы» и общедисциплинарное противопоставление «коллективного» и «индивидуального»). Здесь под «группой» понимается наличие структуры, организации, системы ролей; «категория» же обозначает при наличии общих признаков известную степень бесструктурности и аморфности, присущих «массе».

2. Санкционированность (легитимность) актов насилия, т. е. наличие или отсутствие представлений о законности/незаконности этих актов, их признании или непризнании в качестве «естественных» государством, традицией или общественным мнением.

3. Характер насильственного взаимодействия в конфликте (симметричный, при котором стороны обмениваются насильственными действиями, либо асимметричный, когда отчетливо выделяются субъекты и объекты насилия, преступники и жертвы и т. п.).

Попытаемся классифицировать все названные выше виды насилия по этим основаниям, разместив их в соответствующих клетках таблицы.

Типологизация субъектов массового насилия *

Типы агентов насилия	Типы легитимизации									
	L ₁ C ₁	L ₁ C ₂	L ₂ C ₁	L ₂ C ₂	L ₃ C ₁	L ₃ C ₂	L ₄ C ₁	L ₄ C ₂	L ₅ C ₁	L ₅ C ₂
A ₁ S ₁			G, F, h						g, t	t
A ₁ S ₂	T		H, f		V					
A ₂ S ₁	W ₇ , W ₈ , w ₆				v _s		I, W ₁ , W ₄ , W ₅			
A ₂ S ₂	C, W ₆ , V _s , t	T								
A ₃ S ₁	S		s							
A ₃ S ₂					p					
A ₄ S ₁	W ₂ , s, W ₃ , c		s							
A ₄ S ₂	P, c				R, p					
A ₅ S ₁										
A ₅ S ₂										

* Условные сокращения: W₁ — межгосударственная война (war); W₂ — гражданская война; W₃ — освободительная война; W₄ — колониальная война; W₅ — оборонительная война; W₆ — агрессивная война; W₇ — сепаратистская война; W₈ — ирредентистская война; I — приграничный инцидент (state boundary incident); G — мафиозные «разборки» (gang wars); F — внутривозрастные распри (feuds); V_s — забастовочное насилие (strike violence); H — межплеменные набеги и охота за головами (head hunting); V — этническое насилие (ethnic violence); T — терроризм (terrorism); C — революции и перевороты (revolutions and coups); R — массовые беспорядки (riots); P — погромы (pogroms); S — межэтнические/межобщинные столкновения/стычки (communal and ethnic skirmishes). Заглавными буквами обозначены наиболее характерные для данного типа сочетания факторов; строчными — отклоняющиеся от наиболее типичных случаев варианты.

Приведенная в таблице типология массовых насильственных конфликтов нуждается в комментариях. В существующих сегодня теориях социального действия, сколько бы они не отличались у функционалистов, неструктуралистов и представителей понимающей социологии, общим моментом является наличие у действующих индивидов и групп (в терминологии П. Бурдьё — агентов) мотивации, важным элементом которой является легитимация (оправдание в глазах агента собственного поведения). Здесь необходимо понять, что в предполагаемой типологизации речь не идет о структуре и характере самого действия, хотя известные аналогии с классификацией М. Вебера (целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные и традиционные действия), или В. Парето (логические поступки и четыре ряда нелогических поступков) очевидны.

Столбцы таблицы соответствуют пяти типам легитимизации насильственных действий: идеологической (L₁), «традиционной» (привычки, стандартные и стереотипизированные, или ритуализированные решения об осуществлении актов насилия — L₂), массовой (структуры массового сознания, в частности феномен общественного мнения — L₃), формально-правовой (действия государства и его институтов — L₄) и харизматической (L₅).

«Санкционированность» насилия, таким образом, здесь классифицируется по источникам легитимации (моральные и рациональные основания действия), хотя, как и следовало ожидать, четкого разведения типов легитимации (в силу сложности социального действия, его текучести и вариативности) добиться не удается: так, например, такой источник легитимации актов насилия, как государство, в некоторых конкретных обстоятельствах трудно развести с идеологическим обоснованием или традицией. Иногда различные компоненты насильственных действий санкционируются различными источниками, как, например, действия солдат против гражданского населения во время войны; в таких ситуациях приходится вводить различия между формой, характером и контекстом конкретных актов насилия. Тем не менее описанные основания легитимации насилия позволяют в целом удовлетворительно типологизировать все 20 видов массовых насильственных конфликтов, которые приведены в таблице.

Другим основанием типологизации насильственных конфликтов служит типология субъектов и объектов насилия (агентов). Поскольку типологизируются лишь массовые конфликты, в таблице предлагается типология коллективных агентов. Все коллективные агенты подразделяются на группы, социальные сети (A₃) и категории. В свою очередь, группы подразделены на малые (A₁) и большие (A₂), а категории — на социальные (A₄) и статистические (A₅). Это разделение не является общепринятым, хотя, как и в случае типологизации оснований социального действия, опирается на современные социологические концепции. Малая группа характеризуется непосредственным («лицом к лицу») взаимодействием ее членов, наличием ролевой структуры; большая группа — наличием организации, а нередко — иерархии и централизации (корпоративные группы типа государственного аппарата, армии и т. п.), при отсутствии обязательного знакомства между членами. Социальные сети, — следующая

ступень в континууме «структурированности—деструктурированности»,— в данном случае обозначают социальные общности с отсутствием иерархии и централизации, но сохранением определенного уровня взаимодействия (нередко опосредованного) между членами сети. Социальные категории можно сравнить с марксовым *Klass-an-sich*, т. е. эти категории являются виртуальными социальными сетями, и при определенных обстоятельствах (заставляющих осознать лиц, охватываемых этими категориями, собственную принадлежность и вытекающие из нее общие интересы) они становятся реальными социальными сетями (аналогия с *Klass-fuer-sich*), или даже корпоративными группами. Такую эволюцию может совершать, например, совокупность представителей этнической группы в большом городе. Наконец, статистическая категория, по определению, не может являться субъектом насилия, но часто является его объектом и иногда изображается в массовом сознании или идеологии в качестве субъекта (например, пресловутые «лица кавказской национальности» в российской прессе определенного толка), представляя в схемах анализа насильственного действия как квазисубъект.

Различение между симметричным (S_1) и асимметричным (S_2) насильственным действием практически не нуждается в комментарии; для его понимания достаточно привести пример. В частности, оно хорошо работает при описании объемов понятий «этническое насилие», «межэтнический конфликт»: асимметрия взаимодействия участвующих сторон в этническом насилии соответствует симметрии этого взаимодействия в межэтническом конфликте (асимметричными ролями в этническом насилии являются «преступник», т. е. группа, осуществляющая насилие, и «жертва», в то время как в межэтническом насильственном конфликте субъекты и объекты насилия могут многократно меняться местами, либо одновременно выступать в обеих ролях). В качестве дополнительного, но существенного момента может служить уже упомянутое разграничение групповых (C_1) и индивидуальных (C_2) конфликтных взаимодействий. В то время как этническое насилие явно тяготеет к промежуточному типу (агрессия группы против индивида), межэтнический конфликт, исходя из смысла понятия, описывает межгрупповое конфликтное взаимодействие.

Приведенные в таблице данные могут быть использованы как логические механизмы получения первичных определений, однако то обстоятельство, что в некоторые клетки таблицы попадают одновременно несколько видов массового насилия, говорит о том, что для их различения требуются дополнительные основания и признаки. Кроме того, нахождение нескольких объектов классификации в одной и той же клетке таблицы указывает на их значительное сходство и существующие трудности в их различении.

Примером может служить разведение понятий «война» и «приграничный инцидент»: в обоих случаях мы имеем дело с организованным насилием при участии государства. Объектом приязаний тут может выступать спорная территория, а число жертв может оказаться довольно высоким (как в случае конфликта с Китаем по поводу острова Даманский). Лишь введение таких дополнительных критериев, как длительность конфликта, уровень его эскалации (включающий такие параметры, как признание конфликтующими сторонами состояния войны), сферы его институализации (общественное мнение, система международных отношений и военная сфера), позволяет определить, с чем мы имеем дело.

Выделенные основания позволяют точнее описать и понять и феномен этнического насилия¹². В частности, обращают на себя внимание некоторые различия в объемах понятий «этническое насилие» и «межэтнический конфликт». Помимо асимметрии взаимодействия участвующих сторон в этническом насилии, в отличие от симметрии этого взаимодействия в межэтническом конфликте (асимметричными ролями в этническом насилии являются «преступник», т. е. группа, осуществляющая насилие, и «жертва», в то время как в межэтническом насильственном конфликте субъекты и объекты насилия могут многократно меняться местами либо одновременно выступать в обеих ролях), в качестве дополнительного, но существенного момента может служить уже упомянутое разграничение групповых и межличностных конфликтных взаимодействий. В то время как этническое насилие явно тяготеет к промежуточному типу (агрессия группы против индивида), межэтнический конфликт, исходя из смысла понятия, описывает межгрупповое конфликтное взаимодействие.

Предложенное выше разграничение можно уточнить: речь идет не столько о тяготении понятий «конфликт» и «этническое насилие» к разным полюсам концептуального континуума «групповой — межличностный», сколько о невозможности «вписывания» этнического насилия в этот континуум. Оно не может быть

описано как взаимодействие двух групп, что подразумевало бы наличие ролевой структуры с обеих сторон, координированной деятельности и других характеристик социологического понятия «группа».

В ходе анализа и описания конкретных случаев этнического насилия обращает на себя внимание то обстоятельство, что сторонами в этом взаимодействии оказываются не две группы, а группа, с одной стороны, и «категория» (мигранты, пришельцы, чужаки и т. п.), т. е. «масса», или атомизированные индивиды как частицы этой массы — с другой (в предложенную таблицу введены различия: «индивид как часть группы» и «индивид как часть категории/массы»).

Группа, осуществляющая насилие против выделенного ее лидерами объекта насилия, с необходимостью предполагает наличие вполне определенной степени организации поведения ее членов (и в этом существенное отличие этнического насилия от другого понятия конфликтологии — погрома, или так называемых «беспорядков», когда активной стороной насильственного взаимодействия является «толпа», или, что в данном контексте практически то же самое, «масса»), в то время как жертвы насилия всегда характеризуются отсутствием сравнимой степени организованности. Как только поведение жертв обретает характер координированного противодействия, мы можем говорить о насильственном этническом конфликте, в котором исчезает присущая этническому насилию асимметрия взаимоотношений, их своего рода «векторность», обусловленная наличием пассивной (страдающей) и активной (осуществляющей насилие) сторон.

Некоторые другие виды массового насилия также не могут быть однозначно приписаны к одному из классификационных рядов и поэтому появляются сразу в двух-трех клетках таблицы (беспорядки, терроризм, забастовочное насилие и др.). Причины становятся очевидными в ходе анализа таблицы, например терроризм иногда может осуществляться одиночками, а не только группой, насилие при беспорядках может иметь симметричный и асимметричный характер и т. д.

Анализ конкретных случаев этнического насилия обращает внимание еще на одну его особенность — своеобразную диалектику пассивности и активности взаимодействующих сторон. Поскольку наиболее частой ситуацией является этническое насилие, осуществляемое «социальными маргиналами» против «маргиналов этнических», постольку наиболее распространенной легитимизацией насилия является пассивная внутриэтническая солидарность между доминирующими в государстве этническими общностями и «боевиками», осуществляющими этническое насилие. Без такой легитимизации феномен этнического насилия оказался бы невозможным для его инициаторов и исполнителей.

Уместно подчеркнуть, что речь здесь идет о моральном оправдании и обосновании насилия, а не об оправдании по закону, что может прочитываться в слове «легитимизация». Пассивная внутриэтническая солидарность, как правило, зиждется на создаваемой идеологическими средствами картине злонамеренной активности этнических антагонистов (иммигрантов, населения этнических анклавов, групп меньшинств и т. п.). Таким образом, активная в актах этнического насилия сторона легитимизирует свою «деятельность» через пассивную солидарность этнически доминирующей массы, а пассивная сторона, напротив, изображается активным источником «угрозы», которую необходимо предотвратить любыми средствами. Легко увидеть, что данная диалектика пассивности и активности действительно не имеет места в межэтнических конфликтах, где стороны «симметрично активны», но может отмечаться при погромах и массовых беспорядках.

Некоторые из включенных в таблицу виды насилия различаются по объектам (человек или вещь), вовлеченности в конфликт государственных институтов и организаций, наличием либо отсутствию между конфликтующими сторонами сослоно-классовых, конфессиональных, этнических, региональных и других границ и т. п. Введение этих дополнительных признаков позволяет точнее определить конкретные виды войн, такие, как межгосударственная и гражданская, освободительная и колониальная, оборонительная и наступательная (агрессивная), сепаратистская и ирредентистская и т. д. Однако все эти типы войн можно отнести

к традиционным, или «ретровойнам». Изобретение ядерного оружия и компьютера, а также освоение человеком космического пространства коренным образом изменили характер современных военных конфликтов, обозначаемых некоторыми экспертами, по аналогии с постиндустриальным обществом эпохи постмодерна, «поствойнами»¹³. Характеристикой этих типов войн я и собираюсь завершить эти заметки.

Ретровойны и поствойны

За пределами антропологии наибольший вклад в проблему определения войны внесли политологи, интегрировавшие в свою традицию наследие таких мыслителей, как Августин, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Г. Спенсер и др.

У истоков европейской традиции мышления о войне стоят греческие философы и историки — Гераклит, Фукидид, Платон, Аристотель. «История Пелопонесской войны» Фукидида рассматривается теоретиками политического реализма в качестве труда, заложившего основы этой до сих пор господствующей (если не в сфере современной теории международных отношений, то в сфере военных концепций сдерживания и баланса сил) доктрины.

В соответствии с этой доктриной война рассматривается в качестве одного из способов принуждения (coersion), которыми располагает государство (политическое сообщество, группы, «единицы»). Следует обратить внимание на философски и социологически интересную особенность этого подхода — отождествление войны с особым типом принуждения. Такая трактовка позволяет интегрировать в исследование войны современные теории власти и насилия. В разнообразных версиях доктрины политического реализма война как особый тип противостояния, как единственный из конфликтов, несовместимый с состоянием мира, вообще поглощается категориями «силы» и «интереса».

Известный теоретик политического реализма, автор одного из наиболее систематических и последовательных изложений этой доктрины Г. Моргентау, определяя силу как возможность оказывать влияние на другие государства, перечисляет элементы, составляющие национальную силу, — география и природные ресурсы, производственные мощности и военная подготовка, население, национальный характер, моральный дух, искусство дипломатии¹⁴.

Другой политолог, Дж. Болл, дополняет этот список наличием сильного лидерства, способного к постановке общих целей и имеющего волю для их реализации¹⁵. Все эти факторы складываются в потенциал силы государства, где важнейшей составляющей (и своего рода результантой) является военная сила. Построение силовых матриц и классификация государств на «сильные» и «слабые» в зависимости от их способности победить в конфликте и оказать противодействие приводит «реалистов» к формулированию зависимости между ведением войн и концентрацией власти: великие державы являются в значительной степени продуктом войн.

В подходе политический реалист к пониманию войны присутствует своеобразная инверсия: по аналогии с концепцией тотальной войны (вовлеченности в войну всего общества, характерного для современных войн) через призму силового противостояния («мирного аналога» военного принуждения в преследовании национальных интересов) рассматриваются все отношения в сложившейся мировой системе государств. Известное определение войны К. Клаузевица как «продолжения политики иными средствами» здесь превращается в определение политики как ведения войны иными средствами. Противостояние и поддержание баланса сил с помощью наращивания собственной мощи, ослабления противника и альянсов выглядят тут как «война» на ряде взаимосвязанных «фронтов»: ядерные и обычные вооружения, средства их доставки, международные валютные и торговые операции, инвестиции, политика в сферах межнациональных отношений и образования, экономическая политика и права человека, идеологическая война и конкуренция в областях культуры, искусства и спорта — всё рас-

сма­три­ва­ет­ся как сла­га­е­мые стра­те­гичес­кого паритета и бор­ь­бы за до­ми­ни­ро­ва­ние, об­лег­ча­ю­щее осу­ществ­ле­ние на­ци­о­наль­ных ин­те­ре­сов. Па­ра­диг­ма со­труд­ни­че­ства, под­дер­жки, аль­тру­из­ма и до­ве­рия здесь вы­те­с­ня­ет­ся па­ра­диг­мой со­пер­ни­че­ства, по­дав­ле­ния, эгоизма и по­до­з­ри­тель­но­сти.

Очевидно, не случайно общества двух ведущих государств, на которых держалась структура биполярного мира эпохи «холодной войны» — США и СССР, оказались столь похожими по степени милитаризации их повседневной жизни, которая пока еще редко привлекает внимание исследователей, занимающихся этнографией современности. Приметами этой милитаризации и перегруженности коллективной памяти эпизодами массового политического насилия (исторических сражений, войн, кровавых столкновений) по обе стороны океана являются коммеморативная скульптура и архитектура, многочисленные музеи, военные праздники, марши и парады, обязательные походы молодоженов к памятникам героям войны, военная литература, детские игры (от дворовых до компьютерных), кино- и телефильмы, повествующие о реальных и фантастических (звездных) войнах с их культом силы, растущий вал насилия в школах и вовлеченности подростков в группы, реализующие увиденное на экранах в повседневной жизни, и т. д.

Мне представляется, что именно милитаризация повседневности, связанная с освоением массовым сознанием различных аспектов войны, послужила причиной ее сакрализации и архаизации ее понимания, той плохо объяснимой задержки в осознании особенностей современной войны, которая свойственна даже специалистам. Мифологическое мышление и архаическая топология массового сознания «оприми­тивили» понимание этого нового феномена и до сих пор препятствуют его адекватному анализу. Свидетельством этого являются приведенные выше определения войны, в которых используются традиционные пространственно-временные представления (территория, границы, государство, суверенитет, длительность и т. п.).

Наиболее очевидной демонстрацией специфики поствойны является иракско-кувейтский военный конфликт и последовавшая за ним операция «Буря в пустыне».

Существует формальное, но хорошо работающее определение технологической революции: порядковый рост целевых параметров. Так, если человек прежде затрачивал на пересечение, скажем, Атлантического океана месяцы, затем недели, а с изобретением сверхзвуковой авиации часы (а если учесть ракетную технику — минуты), то мы имеем несколько последовательных транспортных революций. Аналогичные процессы произошли за последние десятилетия в области телекоммуникаций, автоматизации и компьютеризации. Именно эти процессы, характеризующие постиндустриальное общество, коренным образом изменили смысл военных противостояний и конфликтов, переместив их из традиционного геополитического пространства в киберпространство, образуемое потоками знаков, идей, товаров и людей, размывающими все традиционные границы.

Эти технологические революции незаметно разрушили основания, на которых строится дискурс политического реализма во всех его вариациях (теории баланса сил, баланса угроз, сдерживания или неравномерного роста). Фундаментом этих теорий, как известно, служит представление о международных отношениях как о системе отношений между территориальными суверенными нациями-государствами. Информатизация социальных средств производства, потребления и управления резко изменила структуру пространства, времени и власти, в частности мощные высокоскоростные потоки денег, товаров, идей, символов и людей практически уничтожили традиционную геополитическую структуру с ее естественно-географическими барьерами и факторами изоляции и «сжали» время.

Аналогичные изменения произошли и в сфере военных технологий: появились ядерное оружие, отменившее традиционный стратегический подход «выигрыша — проигрыша», сверхскоростные средства доставки и транспортировки оружия и людей, наконец, космическая разведка и управление боевыми операциями. Мышление, базирующееся на идеях обороны территории, экспансии и захвата, стремительно устаревает в мире компьютерных сетей и потоков; поствойна, в отличие от

традиционной, или ретровойны (в этом последнем типе особенности «современных» и «примитивных» войн практически сливаются, и любая «современная война» с преобладанием локального геополитического мышления выглядит «примитивной» по сравнению с поствойной), развертывается в гиперпространстве.

Ирако-кувейтский конфликт как раз и явился столкновением двух этих столь различных типов войны и может служить примером, в котором различия между ними выступают особенно выпукло. Ирак как традиционное авторитарное государство продемонстрировал банкротство идеологии локального доминирования и территориального империализма; Кувейт, сделавший ставку на участие в глобальных потоках финансов и власти и вкладывавший средства не в милитаризацию страны, а в развитие высоких технологий и участие в транснациональных информационных потоках, вышел победителем. Саддам Хусейн, захватив территорию Кувейта, рассчитывал и на захват богатств страны, но эмир и все члены династии аль-Сабах, эмигрировав в Саудовскую Аравию, с помощью нескольких электронных операций и смены банковских кодов и паролей заблокировали к ним доступ, а стремительная организация смены валюты оставила ориентирующихся на ретровойну захватчиков с бытовой электроникой, «роллс-ройсами» и медицинским оборудованием госпиталей в качестве единственной добычи.

Коалиции союзников потребовалось лишь 100 часов, чтобы уничтожить все следы территориальных приобретений Ирака. Сам характер ведения боевых действий поствойны как войны информационной, осуществляющейся не только (и не столько) в реальном пространстве, сколько в символическом и гиперпространстве средств телекоммуникационных связей, также резко отличается от способа ведения ретровойн. Современные средства коммуникации позволили кувейтскому правительству в изгнании организовать эффективное лоббирование собственной версии ирако-кувейтских противоречий, а доминирование их главного союзника — США в символическом пространстве международной политики и использование Бушем эффективных аналогий со второй мировой войной (Саддам Хусейн = Гитлер) — к победе на дипломатическом фронте, после чего даже для многих арабских стран «ирако-американский конфликт» стал выглядеть как «справедливая война».

Одной из важнейших особенностей поствойны, отличающей ее от всех войн, происшедших на земле со времен Фукидида, являются чрезвычайно опосредованный характер военных взаимодействий сторон, обеспечиваемый современными электронными средствами ведения военных действий, и практическое исключение человека из процедур принятия тактических решений. Система обнаружения и распознавания «друзей» и «врагов» «Эгида», стоявшая на кораблях американского флота, обеспечивала одновременное автоматическое обнаружение и уничтожение 200 целей под водой, на воде и в воздухе, а размещенные на спутниках базы данных о военных объектах противника и лазерное наведение управляемых ракет и снарядов практически исключали даже обычный визуальный контакт с противником. «Враг» существовал только на экранах, и реальная война (кроме своих последствий) мало чем отличалась от ее компьютерного моделирования.

Значительное число зрителей Си-Эн-Эн восприняли войну как гигантское телешоу. Человеческие жертвы, в том числе среди гражданского населения (вызванные «несовершенством» техники, например устаревшими сведениями в спутниковых базах данных, неумением «Эгиды» различать военные и пассажирские самолеты и т. д.), остались практически незамеченными. Виновников этих «незапланированных» смертей не только не призвали к ответу, но и чествовали как героев.

Бесчеловечность ретровойны (как моральная категория) превратилась в бесчеловечность поствойны как совершенной и уже почти не нуждающейся в человеке машины, частью автоматизированной реальности постиндустриального общества. Информационная гегемония и манипулирование политической метафорой становятся в этом мире куда более опасным оружием, чем обычные вооружения ретровойн. Средством обуздания этой гегемонии является, как известно, построе-

ние контррегеомонии мирового общественного мнения, однако возведение этого барьера против поствойн останется утопией до тех пор, пока в сознании рядовых носителей война сохраняет свой сакральный героический характер.

Примечания

- ¹ О полемологии см. подробнее обзор А. В. Соколовцева «Полемология — французская социология войны» // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 124—132.
- ² *Malinowski B.* An Anthropological Analysis of War // *American Journal of Sociology.* 1941. Vol. 46. P. 522.
- ³ *Mead M.* Warfare Is Only an Invention — Not a Biological Necessity // *Asia.* 1940. Vol. 40. P. 402.
- ⁴ *Mead M.* Alternatives to War // *War: The Anthropology of Armed Conflict and Agression.* N. Y., 1968. P. 215—216.
- ⁵ *Schneider J.* Primitive Warfare: A Methodological Note // *American Sociological Review.* 1950. Vol. 15. P. 772—777; цит. по: *Шнирельман В. А.* Война и мир в традиционных обществах (по материалам западных исследований). М., 1992. С. 33.
- ⁶ *Naroll R.* On Ethnic Unit Classification // *Current Anthropology.* 1964. Vol. 5. P. 286.
- ⁷ *Otterbein K. F.* The Anthropology of War // *Handbook of Social and Cultural Anthropology.* 1973. P. 923.
- ⁸ *Otterbein K. F.* Cross-Cultural Studies of Armed Combat // *Studies in International Conflict.* 1968. № 4. P. 93.
- ⁹ *Wallensteen P., Axell K.* Armed conflict at the end of the cold war // *Journal of Peace Research.* 1993. Vol. 30. P. 343.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 343.
- ¹¹ *Ibid.* P. 332.
- ¹² Об этническом насилии см. подробнее: *Соколовский С. В.* Этническое насилие: структуры теоретического дискурса // *Этнометодология.* Вып. 1. М., 1994. С. 94—112.
- ¹³ *Luke T. W.* On Post-War: The Significance of Symbolic Action in War and Deterrence // *Alternatives.* 1989. Vol. 14. P. 343—362.
- ¹⁴ *Morgenthau H. J.* *Politics Among Nations.* N. Y., 1967.
- ¹⁵ *Ball D.* The blind man and the elephant: A critique of bureaucratic politics theory // *Australian Outlook.* 1974. Vol. 23. P. 71—92.

War, conflict, and violence polemological essay

The article deals with the concept of war as it is understood within different schools of political, sociological and anthropological thought. In addition, the concept is situated within the framework of diverse concepts used in the research of collective forms of violence.

A classification of almost thirty mass violence types is presented, wherein diverse types of violence are compared according to their legitimization basis and the types of agents involved.

S. V. Sokolovsky

© 1995 г., ЭО, № 4

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ С. В. СОКОЛОВСКОГО

Наверное, призвание С. В. Соколовского — нести нашему читателю *непривычное* и по содержанию, и по форме. Мне кажется, что нет таких философских тенденций и культурных настроений, наличествующих как на Западе, так и в нашей стране в последние десятилетия, с которыми не был бы знаком С. В. Соколовский. Причем, «пропитанный» знаниями и идеями, он воспринимает их и представляет читателю как истинный постмодернист, что, по-моему, можно только приветствовать (не знаю, считает ли себя таковым сам уважаемый автор). Некоторая внешняя «неотделанность» статей Соколовского, изобилие в них аллюзий и отсылок, подключающих новые — социальные, исторические, психологические —